

Но незначительность хеттского влияния на Трою видна прежде всего из того, что троянская культура до конца осталась бесписьменной.

Ни старые, ни новые раскопки не дали ни одного эпиграфического памятника, относящегося к догреческой эпохе. Этим лишний раз подчеркивается самостоятельное, но ограниченное значение города, тяготевшего в своих связях к странам Южной Европы и малоазийского побережья. Он играл важную роль в материальном обмене этих районов, был крупным торговым и производственным центром, средоточием значительных ценностей и крепостью, господствовавшей над небольшими открытыми поселениями Трояды. Жители города и их воинственные правители, обитавшие в больших мегаронах, достигли многого в пределах культуры варварства, но не возвысились до цивилизации и государственности Крита, микенских центров или своих ближайших соседей — хеттов.

Л. Ельницкий

Пленум Ленинградского отделения Института Истории Материальной Культуры, посвященный Северному Причерноморью

В конце апреля 1946 г. в Ленинграде состоялся пленум по изучению материальной культуры древнего Причерноморья, созданный Ленинградским «отделением Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

Впервые после Отечественной войны было создано широкое научное совещание, на которое прибыли научные работники из разных мест Советского Союза, где ведется исследовательская работа по изучению Причерноморья. В работах пленума принимали участие научные сотрудники Института Истории Материальной Культуры, Государственного Эрмитажа, Государственного Музея Изобразительных искусств им. Пушкина, Государственного Исторического музея, Института Археологии Академии Наук УССР, Одесского Историко-Археологического музея, Харьковского университета, Краснодарского краевого Историко-краеведческого музея, Саратовского университета, Воронежского университета и др.

Открывая пленум, директор Института Истории Материальной Культуры, член-корреспондент Академии Наук СССР А. Д. Удальцов отметил, что настоящий пленум является зародышем большого развития наших работ, когда в освещении одних и тех же вопросов примут участие не только археологи, но и историки, лингвисты, работники искусства, антропологи и т. д.

Далее А. Д. Удальцов говорил, что научные работники должны прежде всего в своей работе иметь в виду историческое выступление перед избирателями нашего вождя и учителя, великого Сталина, который призвал советских ученых не только догнать, но и превзойти достижения зарубежной науки.

Пленум, посвященный изучению древнего Причерноморья, является смотрам тех научных достижений, с которыми выходят сейчас научные учреждения Академии Наук на путь дальнейшей работы.

А. Д. Удальцов выразил уверенность, что ученые сумеют оправдать доверие, оказываемое им нашим великим народом и горячо любимым вождем товарищем Сталиным.

Затем со вступительной речью выступил зав. сектором древнего Причерноморья ЛОИИМК проф. С. И. Ковалев, который сказал, что характерной чертой открываемого пленума является тот широкий отклик, который он получил среди научных работников Союза.

За четыре года войны научные связи были насильственно разорваны, археологическая работа почти прекратилась. Археологические памятники значительно пострадали как в результате военных действий, так и, в особенности, как прямой объект гра-

бежей и разрушений, причиненных фашистскими захватчиками. Поэтому понятен тот интерес, который вызвал у археологов этот пленум.

«С той точки зрения, с которой мы подходим сейчас к истории Причерноморья, раскрывая ее как рассадник культуры, очаг древнейшего влияния на историю нашего государства, т. е. с точки зрения славянской культуры, античный период является центральным».

В связи с этим ближайшей задачей советских археологов, указывает С.И.Ковалев, является раскрытие до конца значения Ольвии, Пантикапея, Херсонеса, изучение и более мелких полисов смешанного (греко-варварского) типа и одновременное изучение аналогичных центров Западного и Южного Причерноморья.

С большим итоговым докладом «Изучение античных городов Северного Причерноморья в Советский период» выступил на первом заседании пленума ст. научный сотрудник ЛОИИМК В.Ф.Гайдукевич. В его докладе подведен итог многолетней раскопной деятельности, давшей ценные открытия в области изучения древнего Причерноморья.

Одновременно В.Ф.Гайдукевич отметил принципиально новое в археологических исследованиях по сравнению с дореволюционным периодом: широкий исторический подход к памятникам причерноморской античной культуры позволил рассматривать их не только как проявление исторического процесса античного греко-римского мира, но и как явления, органически связанные с историей народов, населявших наш юг в античную эпоху.

Исследования античных городов проводились в тесной связи с исследованием местной скифо-сарматской среды, которая не являлась «пассивным» окружением городов, но «активно участвовала в образовании того варианта античной культуры, который мы именуем греко-скифо-сарматским». Этим объясняется то, что в сферу исследования вовлечены многочисленные поселения как на Керченском и Таманском полуостровах, так и в Прикубанье, в низовьях Дона, в западной и центральной части Крыма, в окрестностях Ольвии и т. п.

«Греческие города уже выступают не изолированными «светочами культуры», а лишь крупными центрами обширных районов, заселенных местными племенами, хотя и подвергавшимися в той или иной мере эллинизации, но сохранивших в основе свою самобытную культуру. Культурное взаимодействие между греческими городами и коренным местным населением — это одна из важнейших проблем, занимающая советских исследователей».

Далее В. Ф. Гайдукевич обрисовал перспективы дальнейшей работы по изучению древнего Причерноморья и наметил следующие задачи:

1. Составление исчерпывающей археологической карты районов основных античных городов.
2. Продолжение раскопок в ранее начатых пунктах и введение в круг исследования новых археологических объектов. Особенно при этом надо обратить внимание на те памятники, в которых может быть вскрыт стык греческой колонизации с догреческой культурой местного населения. Систематически вести работы на Кубани, возобновить работы на Дону, на Гераклейском полуострове, в Центральном и южном Крыму, в окрестностях Ольвии.
3. Организовать археологические базы АН СССР в Херсонесе и Керчи.
4. Систематически созывать пленумы и конференции исследователей античного Причерноморья для координации работ и создания крупных коллективных экспедиций.
5. Ускорить издание материалов археологических экспедиций советского периода и систематически публиковать археологические материалы по истории античной культуры Причерноморья.

Значительное место в повестке дня пленума заняли доклады, связанные с изучением взаимоотношений греческих колоний и местного населения причерноморских степей, и доклады, посвященные выяснению роли скифской среды в формировании истории и культуры Причерноморья.

В этой связи огромный интерес представляет период, предшествовавший античной

колонизации, так как понять процесс греческой колонизации возможно не только на основании изучения исторической обстановки в греческой метрополии, но, в равной мере, на основании изучения истории и культуры местных племен Северного Причерноморья.

Это положение было высказано и развито в докладе ст. научн. сотр. ЛОИИМК А. А. Иессена «Причерноморье накануне античной колонизации».

Автор указал, что археологический материал позволяет говорить об интенсивных межплеменных сношениях в Северном Причерноморье еще в III тысячелетии до н. э.

В докладе А. А. Иессена был собран большой археологический материал, иллюстрирующий проникновение изделий из Передней Азии через Кавказ в район Кубани и из западной Малой Азии, Эгейского бассейна и с Балканского полуострова на правобережную Украину еще в конце III— начале II тысячелетия до н. э. Эти связи прослеживаются и в I тысячелетии до н. э.

В это же время прослеживаются связи восточных районов с кавказскими производственными центрами.

Новые условия для развития межплеменного обмена, как устанавливает автор, складываются в Северном Причерноморье к VII в. до н. э. В это время наблюдается резкий рост импорта изделий южного происхождения.

Возникновение ряда греческих колоний, в том числе и Ольвии, является дальнейшим результатом сношений местных племен с греками в VI в. до н. э.

На основании изучения археологического материала, рисующего связи Причерноморья с югом, А. А. Иессен делает чрезвычайно важный вывод, что «Греческая колонизация явилась результатом длительно развивающихся— в течение не менее 1500 лет— сношений Северного Причерноморья с южными странами. Сношения эти развивались параллельно как по юго-западному направлению, с эгейско-малоазийскими странами, так и по юго-восточному, через Кавказ со странами Передней Азии. Лишь с возникновением постоянных греческих городов сношения и связи с греками оттесняют на второй план, но не обрывают, связи с юго-востоком».

В докладе ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. И. Артамонова «Местное население Северного Причерноморья в античную эпоху» подвергся исследованию последующий период в истории юга СССР.

Автор считает возможным уточнить сведения, даваемые Геродотом о племенах Скифии, сопоставляя их с археологическими данными и руководствуясь наиболее устойчивым этнографическим признаком — обрядом погребения.

Скифы царские, сайи или ксайи, распространились по обе стороны Днестра, доходя на востоке до Дона. Им принадлежат камерные могилы (катакомбы) степного нижнего Поднепровья.

Лесостепная часть левобережной Украины была заселена оседлыми земледельческими племенами. Скифы-земледельцы — «борисфениты» располагались в долине Нижнего Днестра. Им принадлежит Белозерское городище и прилегающий к нему курганный могильник.

Каллипиды, или миссэллины, жившие в окрестностях Ольвии, представляли собой, по мнению автора, эллинизированных варваров, выходцев из разных племен. Этим объясняется разнообразие типов туземных погребений ольвийского некрополя.

Район Среднего Побужья, до Днестра, связывается с алазонами, для погребальных обрядов которых характерно трупосожжение в грушевидных ямах. Повидимому, им принадлежат и подземные жилища типа ям, которые открыты в Варваровском городище и на Березани.

На Среднем и Верхнем Днестре, до верховьев Ю. Буга, Прута и до Карпатских гор, распространились значительные оседлые племена «паралать», или скифы-лахари. Им принадлежат подольские скифские курганы.

«Все вышеперечисленные племена, — говорит далее М. И. Артамонов, — составляли собственно скифов. О единстве их происхождения, да еще в Азии, не может быть и речи. Это различные этнографические образования, по всей вероятности, объединенные в союз под главенством скифов».

Рассмотрев далее не-скифские племена Геродота, М. И. Артамонов в заключение делает вывод, что «земледельческая часть Скифии, включая будинов, сыграла важную роль в формировании восточного славянства».

В докладе «Погребения скифского типа в Ольвийском некрополе» ст. научн. сотр. ЛОИИМК С. И. Капошина установила, что ольвийские погребения распадаются на ряд групп. Еще в отчете о раскопках за 1901 г. Б. В. Фармаковский установил здесь три главные типа могил: 1) простые грунтовые могилы, 2) земляные подбойные могилы и 3) склепы с дромосами.

Но, помимо могил вышеуказанного типа, в ольвийском некрополе открыты: 1) овальные или округлые и суживающиеся книзу ямы, 2) погребения в амфорах, 3) погребения в керамических саркофагах, 4) каменные склепы, 5) гробницы, сложенные из отесанных каменных плит.

Последующие раскопки ольвийского некрополя позволяют установить, что простые грунтовые могилы далеко не однородны по своему устройству и могут быть сведены в несколько групп.

Некоторые типы грунтовых могил ольвийского некрополя сходны с могилами скифских курганов. Грунтовые могилы с деревянными перекрытиями или деревянными срубами близки могилам подобной конструкции у земледельческих племен скифского Приднепровья.

Грунтовые могилы с земляным ложем на дне сближаются с погребениями скифских курганов в Крымской степи.

Грунтовые могилы, обложенные и покрытые камнем, особенно засыпанные камнями могилы могут быть сопоставлены со скифскими курганами на Днестре.

Ольвийские подбойные могилы чрезвычайно близки подбойным могилам Белозерки и Марицина. Катакомбная форма погребения известна издревле у местного населения Северного Причерноморья и восходит к эпохе бронзы. В скифское время подбойные могилы принадлежали кочевым племенам.

Ольвийские земляные склепы, развившиеся из простых форм катакомбных могил, находят аналогии в курганных погребениях кочевников Приднепровья.

Большое разнообразие форм устройства грунтовых могил, близость некоторых из них погребениям, открытым в скифских могильниках, позволяют считать, что в состав населения Ольвии уже со второй половины VI в. входили представители различных скифских племен. В древнейшие времена это были представители земледельческих племен, а позднее, с V в. до н. э., и кочевых.

Изучению обряда тризны в курганах Боспора был посвящен доклад научн. сотр. ЛОИИМК Е. Г. Кастанаян «Следы тризны в курганах Боспора».

Характерный для курганных погребений Боспора обряд тризны обнаружен во многих курганах на Керченском и Таманском полуостровах и на Кубани; большей частью этот обряд известен в курганах V—IV вв. до н. э., встречен он и в памятниках архаической эпохи (Темир-гора) и в позднеэллинистической Малой Азии.

Обряд тризны в Боспорских курганах близок аналогичному обряду Греции Микенской эпохи, отраженному в эпосе Гомера и представленному в гробницах микенского времени, как, например, в некрополе Паламиды, купольных гробницах, в Димини и др. На Боспоре, благодаря взаимодействию местной и эллинской культур, обряд удержался и получил особое распространение в эпоху эллинизма, приобретя греческие черты.

Научный сотрудник Одесского Историко-Археологического музея, проф. Одесского университета М. Ф. Болтенко выступил с докладом «Догреческая Ольвия — центр каллипидов».

Автор указал, что в настоящее время Ольвия изучается не изолированно от варварского окружения, а на основе догреческой истории ее территории и населения.

После работ Н. Я. Марра и С. А. Жебелева можно считать установленным, — говорит М. Ф. Болтенко, — в Средиземноморской и особенно Малоазийской области нарицательное значение названия *ὄλιζα* с вариантом *ὄλιζα (ὄλιζη)* и *ὄλιζαα* — «город», «поселение».

Автор предполагает, что в догреческом наименовании Ольвии звучало «олпа». Закономерным звуковым вариантом «Олпа» может быть «липа».

Непосредственно соседившие с Ольвией «кал-лип-ид'ы» до сих пор истолковывались с точки зрения греческого языка — «прекрасноконные».

По мнению докладчика, в названии «каллипиды» скрывается элемент «лип», ближе всего стоящий к славянскому леп, лепый, т. е. «прекрасный».

Старшим сыном Таргитая Геродот называет Липо-кшу, в греческой передаче Λιπό-ξα-ις. Возможно, что в этом имени мы имеем тот же элемент «лип», что и в названии «каллипиды».

В докладе «Березань и Ольвия» научн. сотр. ЛОИИМК А. Н. Карасев подверг критическому пересмотру установившееся в научной литературе последних 15 лет убеждение, что Ольвия возникла только в середине VI в. до н. э., а первым поселением греков в северо-восточной части Черного моря является Березань.

Античная литературная традиция относит основание Ольвии к VII в. до н. э., и пока нет причин подвергать пересмотру эту датировку. Архаический слой Ольвии не раскрыт потому, что он залегает глубоко под мощными строительными остатками более поздних эпох.

Архаические остатки Ольвии следует искать в приречной части, где в 1938 г. на небольшой площади (15 кв. м.) были сделаны находки, относящиеся к первой четверти VI в. до н. э.

Старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук Д. П. Калистов выступил с докладом «К вопросу о социальном и экономическом облике Боспорских городов V—IV вв. до н. э.».

Эпиграфические тексты времени первых Спартакидов и другие данные об исторической роли городов V—IV вв. до н. э. дают основание для вывода о сохранении боспорскими городами на протяжении этого времени облика, типичного для эллинских полисов.

Этот вывод, по мнению автора, совпадает с данными, основанными на археологическом материале, например, на преобладании импортной керамики, сохранении греческой традиции в местном искусстве и других явлениях материальной культуры.

Тематика докладов пленума была расширена выходом за рамки изучения Северного Причерноморья. Южному Причерноморью был посвящен доклад ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. И. Максимовой «Архаический комплекс из Ак-Алана и основание Амиса».

По характеру стены своеобразной кладки, которой была обнесена верхушка холма Ак-Алана, и на основании изучения местной древней керамики установлен факт существования здесь догреческого поселения. Найденные в Ак-Алане архитектурные терракоты являются кровельными черепицами и облицовочными плитами с рельефными и раскрашенными орнаментами и фигурами. Они сближаются с серией архитектурных терракот из Малой Азии и Эолии, в особенности с архитектурными терракотами, украшавшими храмы Неандрии, Ларисы, Гордиона, Сард.

Указанные памятники Ак-Алана датируются концом VII — началом VI вв. до н. э. Здания в Ак-Алане, украшенные архитектурными терракотами, могли быть построены жителями Амиса.

В заключение М. И. Максимова пришла к выводу, что по изучаемым памятникам дату основания Амиса следует отодвинуть к концу VII или началу VI вв. до н. э., чем подтверждается правильность свидетельств псевдо-Скимна о фокейцах как первых греческих поселенцах этого города.

Важное значение было придано на пленуме технике ведения полевых археологических работ.

Со специальным докладом «Приемы раскопок античных городов» выступил ст. научн. сотр. ИИМК проф. В. Д. Блаватский, давший развернутое описание способов раскопок античных городов.

В заключение докладчик остановился на приемах раскопок некрополей. Автор считает, что необходимо отказаться от обычной системы отчета о раскопках некрополя, который сводится к описанию могил, располагаемых в порядке нумерации, по записям в дневнике. Отчет о раскопках некрополя, как и отчет о раскопках города, должен дать полную картину истории данного участка, не ограниченную описанием одних могил.

Значительное число докладов на состоявшемся пленуме было посвящено итогам полевых археологических исследований, производившихся в годы, непосредственно предшествовавшие Отечественной войне, результаты которых, в связи с войной, не нашли еще отражения в печати, а также итогам полевых археологических работ, вновь начавшихся после победы Советского Союза над Германией.

В 1945 г. уже проведены некоторые археологические экспедиции, связанные с изучением древнего Причерноморья, как, например: Пантикапейская экспедиция проф. В. Д. Блаватского, Тавро-скифская экспедиция ст. научного сотрудника ИИМК П. Н. Шульца; Институтом археологии Украинской Академии Наук производились раскопки в Тире; археологические работы на Кубани начаты Краснодарским музеем уже в 1944 г. и др.

В 1938—1940 гг. при раскопках Тиритак, производившихся Боспорской экспедицией ИИМКА под руководством старшего научного сотрудника В. Ф. Гайдукевича, были открыты два чрезвычайно интересных археологических комплекса. Исследованию их был посвящен доклад В. Ф. Гайдукевича «Два археологических комплекса Тиритак». Автор сообщил, что в Тиритаке были обнаружены остатки здания половины VI в. до н. э., с ценным и разнообразным вещевым материалом, являющиеся первым крупным памятником городской жизни на Боспоре архаического периода.

В 1939—1940 гг. Боспорской экспедиции удалось расследовать значительную часть «дома рыбака» III—IV вв. н. э. с большим количеством находок, по которым оказалось возможным обрисовать бытовую обстановку среднего по своему материальному достатку жителя.

Сопоставляя эти два археологических комплекса, В. Ф. Гайдукевич выявляет различия между положением города в архаический период и в период распада Боспорского государства в III—IV вв. н. э. Автор указывает, что в архаическом комплексе Тиритак преобладает импорт из Ионии. Вещи не ионийского происхождения могли проникнуть через посредство ионийских торговых центров.

Ввоз вещей из Аттики и Коринфа значительно уступает ионийскому импорту.

«Особый интерес, по мнению автора, вызывают терракоты, найденные в архаическом здании. Помимо историко-художественного их значения, они важны как наиболее ранние образцы изображений женского божества в пластике, свидетельствующие о проникновении этого культа, занявшего позднее господствующее положение на Боспоре, одновременно с появлением первых из ионийских колонистов». Некоторые находки в архаическом доме Тиритак позволяют судить о возникновении некоторых отраслей производства (ткачество и гончарное дело) в боспорских колониях еще во второй половине VI в. до н. э. Вызывает интерес и факт раннего проникновения в греческий быт местных «скифских» изделий.

Открытый в Тиритак «дом рыбака» представляет ряд помещений, сгруппированных вокруг двора. В одном из них была обнаружена культового характера ниша, сохранившая «строительную» жертву.

Занятие владельца определилось большим количеством найденных здесь грузил от рыболовных сетей. Большинство находок представляют вещи, изготовленные на Боспоре; импорт весьма незначителен.

В. Ф. Гайдукевич говорит далее, что на основании изучения этого памятника можно видеть, что «Боспор в период второй половины IV в. н. э. живет в таких условиях, когда питавшая его благосостояние внешняя торговля была подорвана, что экономика Боспора в это время ограничивается рамками внутреннего рынка, слабо связанного с внешним миром».

Итогом работ 1945 г. в столице древнего Боспорского царства Пантикапее был

посвящен доклад проф. В. Д. Блаватского. Докладчик указал, что план работ в Пантикапее летом 1945 г. был продиктован необходимостью обследовать повреждения, нанесенные городу немецкими захватчиками, а также необходимостью уточнить границы заповедника в связи с новой планировкой Керчи.

Экспедиция проф. Блаватского обследовала прорытые немцами траншеи вдоль верхней части горы Митридат, на северном и восточном ее склонах и на южном склоне Долгой скалы. Эти работы дали ценные результаты. На восточном склоне Митридата

были найдены фрагменты ионийской керамики, датируемые первой половиной VI в. до н. э.

Здесь же была обнаружена кладка подпорной стены, относящейся к I в. до н. э., а также интересные архитектурные детали более древнего монументального здания ионийского ордера.

Одновременно раскопками на северном склоне Митридата под Эспланадной улицей было вскрыто семь культурных напластований эллинистического и римского времени. Представляют интерес обнаруженные здесь остатки сооружений хозяйственного характера — зерновых ям.

В 1945 г. были возобновлены раскопки Каменского городища на левом берегу Днепра, о чем сообщил пленуму руководитель экспедиции проф. Б. Н. Граков. Многочисленные находки медных и железных шлаков, льячек, тиглей, различных металлических изделий указывают на то, что Каменское городище было крупным центром скифского металлургического производства. От-

Рис. 4. Протома Деметры из Тиритакки

крыто помещение, носящее характер склада, в котором обильны находки амфор.

Продолжены исследования ровов и валов городища, причем обнаружено, что валы укреплялись сырцовыми кладками.

В течение ряда лет экспедиция Государственного Эрмитажа производила раскопки Нимфея. В результате этих работ было открыто древнее святилище Деметры, о чем сообщил Пленуму старший научный сотрудник отдела античного искусства Государственного Эрмитажа М. М. Худяк в докладе «Святилище Деметры в Нимфее». Изучение строительных остатков святилища позволило установить, что оно несколько раз перестраивалось.

Открытые на краю нижней террасы Нимфея помещения и оградительная его стена полигональной кладки принадлежат древнейшей части святилища. Найденная здесь самосская керамика и формы для терракот позволяют датировать его второй половиной VI в. до н. э.

М. М. Худяк установил, что архаическое святилище было разрушено в результате

пожара, о чем свидетельствуют находки обломков черепицы и калиптеров со следами действия огня.

Выше остатков архаических стен были обнаружены три стены святилища, вновь отстроенного в начале V в. до н. э.

Многочисленные здесь находки аттической керамики и почти полное отсутствие ионийской «подчеркивают, по мнению автора, торговые связи Нимфея с Афинами».

Внутри святилища V в. до н. э. обнаружен большой обломок скалы. Повидимому, здание было разрушено обвалом скалы. Вновь отстроенное третье здание святилища было возведено на некотором расстоянии от места обвала. Находки, сделанные при исследовании третьего святилища, позволяют датировать его второй половиной V и началом IV вв. до н. э.

Найденные в районе святилища—алтарь, жертвенник и культовое помещение за алтарем, как указал автор, говорят о «расширении значения земледельческого культа Деметры», что подтверждается и находками аттической краснофигурной керамики и посвященных терракотовых статуэток. Около середины IV в. до н. э. было возведено последнее, четвертое здание святилища, существовавшее в IV и III вв. до н. э.

Производившимися в 1936—1937 гг. раскопками Херсонеса был открыт древнейший его некрополь. Исследовавший его старший научный сотрудник Отдела античного искусства Государственного Эрмитажа Г. Д. Белов доложил о результатах своих работ в докладе «Некрополь Херсонеса классического периода».

Древнейший некрополь находился на северном берегу Херсонеса и располагался несколькими горизонтами.

Часть погребений сохранилась под площадями, улицами и дворами, часть была разрушена при позднейших строительных работах.

В древнейшем некрополе Херсонеса труположение преобладает, сожжения весьма редки. Распространенной формой погребений являются простые грунтовые могилы, курганы и склепы отсутствуют. Захоронения детей совершались в амфорах. В отношении положения костяков отмечаются две категории погребений. Большую часть—60% всего количества исследованных погребений—представляли захоронения в вытянутом положении, а 40% погребений оказались захоронениями в скорченном положении. В большинстве могил не было найдено никаких вещей, а встречаемый в ряде погребений инвентарь весьма незначителен. По находкам некрополь датируется от конца V в. до н. э. до конца IV в. до н. э.

Открытие значительного количества скорченных погребений указывает на возможность существования на месте Херсонеса догреческого поселения. Материалы некрополя позволяют установить, что в состав населения древнего Херсонеса входили тавры, которым и принадлежат скорченные погребения.

Начавшиеся незадолго до Отечественной войны исследования Тире были продолжены в 1945 г. Работы производил Институт археологии Академии Наук СССР совместно с Измаильским областным краеведческим музеем при участии Молдавского Научно-исследовательского института.

Раскопкам в Тире—Белгороде—Анкермане был посвящен доклад старшего научного сотрудника Института археологии Академии Наук УССР Л. Д. Дмитрова.

Докладчик сообщил, что при раскопках 1945 г. на территории древнего города, в районе современного порта, был выявлен монументальный комплекс строительных остатков, относящихся к трем строительным периодам. Древнейшими являются остатки строительных сооружений I—II вв. н. э., относящиеся к Тире римского времени, а позднейшими — строительные остатки XIV—XV вв. н. э., относящиеся к молдавской Четате Алба и турецкому Анкерману.

При раскопках были найдены многочисленные керамические и металлические изделия, монеты и т. п. Значительное место в работах экспедиции занимала фиксация состояния древних памятников и организация их охраны. С этой целью экспедиция посетила известный в античной литературе остров Белый или Левку-Фидониси (он же Змеинный).

С докладом «Скифо-сарматские городища Прикубанья» выступил научный сотрудник Краснодарского краевого Историко-краеведческого музея Н. В. Анфимов.

Докладчик рассказал о больших работах, производившихся в последнее перед Отечественной войной десятилетие Краснодарским музеем. За эти годы была обследована правая терраса р. Кубани, протяжением около 200 км,—от ст. Марьянской до г. Красопника; обследован также ряд левых притоков р. Кубани и некоторые степные реки на восточном побережье Азовского моря. В результате этих работ было обнаружено более 100 городищ и около 30 могильников. Н. В. Анфимов, руководивший в течение ряда лет исследованиями Прикубанья, установил, что городища располагаются на высоких террасах рек и имеют, как правило, центральную возвышенную часть, окруженную глубоким рвом, имеющим переезд.

К возвышенной части городища прилегает остальная площадь поселения, окруженная, свою очередь, с напольной стороны рвом и валом. Довольно часто перед городищами встречаются отдельно стоящие холмообразные укрепления, служившие своего рода форпостами, прикрывавшими подступы к городищу. На правом берегу р. Кубани такие городища расположены густо, на левом берегу они встречаются реже и меньших размеров.

Грунтовые могильники расположены непосредственно за чертой городища.

Разведывательные раскопки были произведены научными сотрудниками Краснодарского музея на «Усть-Лабинском городище № 3» и «Краснодарском городище на Дубинке».

Эти работы, по мнению докладчика, позволили определить, что Прикубанские городища возникли в VI в. до н. э. и просуществовали до III—IV вв. н. э. Другие поселения образовались в III—II вв. до н. э. Значительный интерес представляют результаты полевых исследований 1937—1938 гг. и 1944—1945 гг., которые позволили впервые установить наличие в Среднем Прикубанье в раннескифский период оседлого населения, занимавшегося земледелием и пастушеским скотоводством.

На основе анализа вещественного материала городищ восточного Приазовья, населенных меотскими племенами, и сравнения этого материала с находками, сделанными на городищах Среднего Прикубанья, Н. В. Анфимов говорит о несомненной тождественности этих обеих групп и делает вывод о том, что Среднее Прикубанье было заселено меотскими племенами.

Государственным Музеем изобразительных искусств и Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР проведена в 1945 г. Тавро-скифская экспедиция под руководством старшего научного сотрудника ИИМК П. Н. Шульца. В докладе «Итоги работ Тавро-скифской экспедиции в 1945 г.» П. Н. Шульц сообщил, что работы этого года были сосредоточены на раскопках Неаполиса скифского и на исследовании прилегающих скифских городищ Кермен-Кыра и Залесья.

В результате полевых исследований 1945 г. окончательно установлено местоположение Неаполиса на восточной окраине Симферополя. Неаполис является в Крыму самым крупным скифским поселением городского типа, возникшим на рубеже IV и III вв. до н. э. и прекратившим свое существование в IV в. н. э.

Раскопками установлен характер системы обороны Неаполиса. Изучение вещественного материала позволило сделать вывод, что «преобладающим населением города на протяжении семи веков его существования были скифы». Большой интерес представляет открытие скифских катакомб со стенными росписями.

За южной стеной Неаполиса на восточном склоне Куэсты были обнаружены погребальные склепы с нишами, в которых по белой известняковой скале были нанесены силуэтно, красной охрой, фигурные изображения и орнаменты.

В этих росписях греческое влияние не обнаруживается; наиболее близкими им по стилю являются «отдельные композиции склепов Сабазиастов в Керчи».

Ряд докладов на пленуме был посвящен памятникам архитектуры и искусства древнего Причерноморья.

Член-корреспондент Академии Наук СССР К. В. Тревер выступила с докладом «К вопросу об античном храме в Гарни».

Археологическое обследование Гарни ничто было Н. Я. Марром в 1893 г. Систематические раскопки здесь были проведены Н. Я. Марром при ближайшем сотрудничестве Я. И. Смирнова в 1909—1910 гг. Произведенное тогда исследование памятника позволило восстановить полностью первоначальный вид храма и датировать время его построения I—III вв. н. э.

Учитывая историческую обстановку, способствовавшую возникновению храма, изучая архитектурные и стилистические его особенности, К. В. Тревер датирует построение храма в Гарни первой четвертью II в. н. э. и ставит в связь с аналогичными постройками в Малой Азии.

К. В. Тревер указала, что формы храма Гарни генетически восходят к храмовым постройкам Урарту и на основании анализа его техники и орнаментики считает возможным приписать его строительство местным, армянским, мастерам.

Важное место среди памятников искусства занимает портретная статуя, незадолго перед Отечественной войной найденная в Анапе. Ее изучению посвящена специальная работа старшего научного сотрудника ИИМК М. М. Кобылиной, которая в докладе «Анапская статуя и боспорский портрет» поделилась итогами своей работы.

Статуя, найденная в Анапе, судя по находившейся при ней надписи, является портретом правителя Горгиипи Неокла, сына Геродора. Анализируя технику исполнения и стиль, М. М. Кобылина датирует статую концом II в. н. э.

Изучая особенности этого памятника, М. М. Кобылина делает вывод, что, при наличии греко-римских черт, статуя отличается своеобразием этнографического типа, деталей костюма и прически, своеобразием стиля и «исполнена под сильным воздействием местного искусства, представление о котором дают многочисленные керченские надгробия и портретные изображения».

Большой интерес вызвал доклад зав. Отделом античного искусства Государственного Эрмитажа проф. А. А. Передольской «О сюжетах некоторых терракот из кургана «Большая Близица». Детальному анализу подвергла проф. А. А. Передольская три терракотовые статуэтки из кургана «Большая Близица».

Сюжет статуэтки сидящей женщины, прижимающей к груди скифос, трактуется ею либо как изображение самой богини Деметры, либо женщины, посвящаемой в мистерии; А. А. Передольская установила несомненную связь статуэтки с культом божества плодородия.

С древним обрядом земледельческого культа связывается и группа мужчины и женщины на ложе. А. А. Передольская с полной убедительностью доказала, что здесь мы имеем сцену *ἰσὸς γάμος*.

Третью статуэтку—нагой женщины, сидящей с фаллом в руке, автор рассматривает также как ритуальную и видит в ней воспроизведение какого-то древнего магического обряда, связанного с земледельческим культом. Культовый, а не жанровый или «карикатурный» характер терракотовых статуэток из кургана «Большая Близица» подтверждается тем, что они найдены в погребении знатной женщины Боспора, по мнению автора, принадлежащей к роду, связанному с культом элевсинской Деметры.

Многочисленные находки терракот в Мирмекии и Тиритаке, сделанные за время раскопок с 1933 по 1940 г., являются ценным источником для истории художественного производства «классической древности». 203 терракоты из Мирмекии и 77 из Тиритаки были исследованы научным сотрудником ЛОИИМК М. А. Наливкиной в работе «Терракоты Мирмекии и Тиритаки», доложенной на пленуме.

М. А. Наливкина разделила весь имеющийся материал на две группы: привозную и местную. Вместе с тем она установила, что среди этих терракот имеются отдельные экземпляры, изготовленные из местной боспорской глины по импортным формам. Наиболее ранние образцы привозной коряластики близко стоят к изделиям большой и малой пластики ионийских художественных центров VI в. до н. э. Находки терракот, сделанные в эллинистическом и римском слоях, также примыкают к малоазийским художественным изделиям. Сюда относятся протомы, женские задрапированные фигуры, обломок статуэтки актера, изображения Кибелы, Афродиты с Эротом, Эрота и Психеи и некоторые жанровые фигурки. Изделия местных боспорских мастеров преобладают в римских слоях Мирмекии и Тиритаки.

Высокохудожественными образцами являются голова Пана-силена и голова Афродиты, найденные в культурном слое, перекрывающем одно из помещений в Мирмекии; они сближаются с александрийским и малоазиатским художественным кругом.

Исследованию памятников греческого искусства эпохи расцвета, происходящих из скифских погребальных сооружений, был посвящен доклад старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. П. Манцевич «Некоторые предметы из кургана Солоха».

Н. П. Манцевич указывает, что в золотом гребне из Солохи наблюдается сочетание местной скифской формы с греческим изображением варваров. Это можно наблюдать и на других памятниках Северного Причерноморья, например на серебряной вазе из Чертомлыцкого кургана или на электровой чаше из Куль-Обы. Распространенным

Рис. 2. Головка Афродиты из Мирмекии

предметом греческого быта является фиала. Этот сосуд редко встречается в Западном Причерноморье, но в Северном Причерноморье эта форма представлена роскошными экземплярами из золота и серебра.

Интересно предположение Н. П. Манцевич, что гребень Солохи и чаша Куль-Оба, чуждые чисто греческому укладу и рассчитанные на эллинизованную варварскую среду, могли быть созданы в обстановке двора Архелая или подобного ему династа.

Эти памятники высокой художественной ценности должны быть созданы выдающимися мастерами-торевтами. По мнению автора, наиболее вероятным может явиться имя Миса, мастера, изготовившего хрисоэлефантинный щит статуи Афины.

Исследование эпиграфических памятников нашло свое отражение в трех докладах.

Старший научный сотрудник ЛОИИМК Е. И. Леви в докладе «Херсонесский декрет в честь Юлия Сатира» доказала, что декрет в честь Юлия Сатира херсонесцы издали за заслуги, которые оказал Херсонесу Сатир в его ходатайстве перед сенатом и Цезарем.

Примыкая к мнению Ростовцева («Цезарь и Херсонес») относительно личности Сатира, автор заключает, что хлопоты Сатира за Херсонес начались еще в 50 г. до н. э., но, что он мог заручиться лишь обещанием Цезаря, которое было осуществлено при Августе. В связи с этим получает объяснение вопрос, почему Херсонес, получив свободу в 46 г. до н. э., начинает собственную эру с 25 г. до н. э.

Аспирант ЛОИИМК М. М. Кубланов сообщил об исследовании им надписи в честь ольвиополита Анаксагора в докладе «К вопросу об ольвийских агонах». Надпись не имеет аналогий ни в эпиграфике Причерноморья, ни в античной эпиграфике. Исследование надписи позволило высказать предположение, что в Ольвии существовали государственные агоны в конце V — начале IV вв. до н. э. Известность ольвийских агонов далеко за пределами Ольвии следует сопоставить с надписью IV в. до н. э. с о. Левки, на основании которой можно заключить, что Ольвия играла первенствующую роль на священном острове Ахилла. Ольвийские агоны, посвященные Ахиллу, были, по мнению автора, связаны с внешнеполитическими стремлениями Ольвии.

Проф. Харьковского университета С. А. Семенов-Зусер в докладе «Некоторые новые эпиграфические данные о Херсонесе» сообщил, что в фондах музея Харьковского государственного университета накануне Отечественной войны была обнаружена плита с греческой надписью, устанавливающей наличие рыбного рынка в Херсонесе. Надпись подверглась тщательному изучению и в переводе проф. С. А. Семенова-Зусера гласит:

«С добрым счастьем

Теаген сын Диогена

Исполнявший должность агоранома из собственных средств построил рынок для продажи рыбы при жреце Дио...

сыне Филадельфа».

Надпись датируется первой половиной II в. н. э.

Изучению нумизматического материала был посвящен доклад ст. научн. сотрудн. Музея изобразительных искусств Л. П. Харко «Монетная иконография Афродиты Боспорской».

Со времени Августа появляется на монетах Пантикапея и Фанагории изображение женского божества, которое отождествляется с Афродитой Уранией или Апатурой.

Образ Афродиты на боспорских монетах представлен в двух видах: 1) бюста и 2) сидящей фигуры. На монетах второго типа (с сидящей фигурой) изображается культовая статуя Афродиты, установленная в одном из ее боспорских святилищ.

Раскопки Фанагории за 1936—1940 гг. дали много фрагментов амфор, подвергшихся изучению И. Б. Зеест, результаты которого были сообщены пленуму в докладе «Фанагорийские амфоры». И. Б. Зеест установила, что в архаический период в фанагории преобладают амфоры хисского происхождения, в V в. до н. э. представлены малоазийские центры. С IV в. до н. э. появляются боспорские амфоры. Для эллинистического времени характерен импорт амфор с Родоса и Фазоса. Обильно представлены амфоры Гераклеи и Синопы, причем последние появляются только в IV—II вв. до н. э. Значительно меньше амфор, происходящих с Коса, Пароса и Книда, и совсем не встречено херсонесских.

Заключительное заседание пленума было посвящено докладам, устанавливающим преемственность античного наследия в последующие исторические эпохи.

Алано-гуинские основы культурного подъема Керчи на рубеже IV—V вв. н. э. были освещены интересным материалом, сообщенным ст. научн. сотр. Государственного Эрмитажа проф. Л. А. Мацулевичем. Автор обрисовал широкие культурно-исторические связи, установившиеся на рубеже IV—V ст. н. э. на пространстве степей Восточной Европы и Азии. Значительная роль в этих связях принадлежала аланскому миру.

Докторант ЛОИИМК Е. Ч. Скржинская в докладе «Генуэзские памятники в Крыму» сообщила об истории Феодосии, Судака и Балаклавы в период возникновения в Крыму генуэзских торговых факторий.

С тремя главными генуэзскими поселениями связываются и некоторые памятники на побережье.

Проблеме самостоятельной художественной жизни домонгольской Руси был посвящен доклад ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. К. Каргера «Эллинистические традиции в древнерусской живописи». Значительная группа памятников X—XII вв. монументальной и станковой живописи, сообщил автор, характеризуется чертами портретного реализма, наполнены внутренней динамикой. К ним относятся древнейшие памятни-

ни домонгольского искусства — фрагменты Десятинной церкви (X в.), часть фресок Киевской Софии (XI в.), мозаика фрески Черниговского Спаса (XI в.), Михайловского златоверхого монастыря (кон. XI в.), икона Владимирской Богоматери, фрески Дмитровского собора во Владимире, Ярославская оранта, ангел «Златые волосы», Деярус из московского Успенского собора и др.

Все эти памятники, устанавливает автор, в различной степени отражают связи искусства древней Руси с эллинистической традицией, никогда не умиравшей в византийском искусстве.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка сидящей богини из архаического комплекса Тиритаки.

Это направление в русской живописи было вызвано «своеобразием древнейшего периода русского христианства, не порвавшего еще связи со старыми языческими представлениями и не воспринявшего аскетических идеалов официальной греческой церковной идеологии».

Закрывая заключительное заседание пленума, зам. директора ИИМК П. Н. Третьяков отметил важное значение и положительную роль прошедшего пленума в жизни ЛОИИМК. Пленум показал, сказал П. Н. Третьяков, что научная работа в области изучения древнего Причерноморья ведется по путям, указанным Н. Я. Марром и С. А. Жебелевым. Причерноморские города изучаются в тесной связи с историей местного населения.

Пленум привлек еще раз внимание научной общественности к скифской проблеме, подчеркнув необходимость дальнейшего изучения скифов, сыгравших огромную роль в Восточной Европе.

Наконец, на настоящем пленуме нашла свое отражение проблема наследства, полученного славянством от античности.

В прениях по докладам выступали акад. В. В. Струве, член-корреспондент АН СССР А. Д. Удадьцов, проф. Б. Н. Граков и др.

В ЛОИИМК к пленуму была открыта выставка материалов полевых археологических исследований. На выставке были отражены раскопки последних лет в Тиритане, Мирмекии, Ольвии, Неаполисе и других местах, иллюстрированные чертежами и фото-снимками.

На выставке были представлены также вещи, добытые из раскопок.

С. П. Капошина

Сессия Ученого Совета Института Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским

11 и 12 апреля 1946 г. в Москве в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра происходила сессия Ученого совета института, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским.

На сессии присутствовали: представители Ленинградского отделения ИИМК, Института истории и Института истории искусств АН СССР, Московского университета, Академии архитектуры СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и других научных организаций.

Первое заседание было посвящено научной деятельности Б. В. Фармаковского.

Доклад «Б. В. Фармаковский—исследователь античной культуры» сделал профессор, доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский. Он отметил значение археологических раскопок, проведенных Фармаковским в Ольвии, начиная с 1896 г. В результате этих работ Ольвия оказалась, и до сего времени остается, исследованной лучше, чем какой-либо иной античный город на территории СССР. Раскопки Б. В. Фармаковского раскрыли полную картину истории Ольвии, возникшей еще в VII в. до н. э. и существовавшей до начала средневековья. Были установлены границы древнего города в разные периоды его истории. Раскопки Б. В. Фармаковского вскрыли оборонительные сооружения Ольвии; общественные здания, жилые дома, многочисленные могилы, иной раз представляющие монументальные склепы; разнообразные предметы бытового обихода и памятники искусства дополнили яркую картину жизни древнего города. Успех, выпавший на долю ольвийских раскопок, неразрывно связан с выработанными приемами археологического исследования. В силу этого Ольвия стала школой для наших археологов—специалистов по античному миру.

Не меньшие заслуги Б. В. Фармаковского в области истории античного искусства: интересы его в этой области были очень широки и разнообразны. В своих печатных трудах Б. В. Фармаковский касался архитектуры, скульптуры, живописи, ваз, ювелирных изделий и проч. При этом он всегда изучал различные разделы античного искусства не как изолированные одно от другого явления, а в тесном взаимодействии их между собой и в связи с общим развитием античной культуры. Исключительно велика роль Б. В. Фармаковского в исследовании истории античной культуры Северного Причерноморья.

В докладе «Б. В. Фармаковский как исследователь античного искусства» доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина отмечает, что основным методом исследований Б. В. Фармаковского было изучение искусства в его исторической перспективе, в его взаимодействии со всем комплексом современной ему античной культуры. Этот метод